

ОБРАЗНЫЙ КОМПОНЕНТ ЗНАЧЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ЛИНГВИСТИКЕ И ПСИХОЛИНГВИСТИКЕ

Е.Н. Колодкина/ Elena Kolodkina

正修科技大學應用外語系 助理教授

Department of Applied Foreign Languages, Cheng Shiu University

【摘要】

本研究主要對俄國語言學界及心理語言學中，形象化範疇部份進行探討。在文中將以各種角度展現及說明形象化為字義結構的一部份。依研究成果觀之，本文作者得出以下結論：在語言學界所歸納出之各類形象化詞彙，對個人語彙而言並不顯得重要，而即使具有最抽象意義的詞彙仍保有其物體及感知的根源。

【關鍵詞】

字義結構形象化語言學、心理語言學、字義分析參數法

【Abstract】

This paper focuses on the category of imagery in Russian linguistics and psycholinguistics. Different views on imagery as the component of the structure of word meaning are presented. The author comes to the conclusion that linguistic typology of imagery words is not actual for the individual lexicon and that the word, having even the most abstract meaning, keeps its object-sensory basics.

【Keywords】

imagery as the component of meaning, linguistics, psycholinguistics, parametric approach to meaning

Образ и образность являются центральными категориями для многих гуманитарных дисциплин, таких как философия, психология, филология. В филологии, которую принято рассматривать как содружество дисциплин о языке, образ и образность уже длительное время являются предметом изучения в литературоведении – науке о художественной литературе, ее происхождении, сущности и развитии. В лингвистике – науке о языке, о его строении, функционировании и развитии, образность как компонент структуры значения слова лишь сравнительно недавно вошла в круг интересов исследователей.

В лингвистических работах последней четверти прошлого и начала настоящего века образность изучается в традиционной лингвистике и в психолингвистике и близких к ней исследованиях когнитивного направления. Анализ традиционных лингвистических работ позволяет выделить два основных направления в исследовании образности в структуре значения слова.

В рамках первого направления, имеющего наибольшее количество приверженцев, образность рассматривается как один из компонентов коннотации. Под коннотацией понимается «дополнительное содержание слова (или выражения), его сопутствующие семантические или стилистические оттенки, которые накладываются на его основное значение, служат для выражения разного рода экспрессивно-эмоционально-оценочных обертонов, могут придавать высказыванию торжественность, игривость, непринужденность, фамильярность и т.п.» (О.С.Ахманова, 1969: 203-204). Хотя коннотация исследуется в лингвистике достаточно длительный период времени, вплоть до настоящего времени количество и статус компонентов коннотации не определены достаточно четко. Наиболее часто в структуре коннотации выделяют эмоциональность, оценку, образность и стилистическую окраску (И.В.Арнольд, 1981; В.К.Харченко, 1983). При этом всеми учеными подчеркивается существование тесной связи между компонентами коннотации, трудности их выделения и отграничения друг от друга. Так, Л.И.Корниенко (Л.И.Корниенко, 1983) отмечает, что эмоционально-оценочные наименования не только создают образность, но и отражают субъективную оценку, даваемую номинатором соответствующим явлениям объективной действительности. Н.А.Лукьянова и М.И.Черемисина определяют образность как способность языкового знака «выразить внеязыковое содержание посредством

целостного, наглядного представления-образа для характеристики обозначаемого им объекта и выражения эмоциональной оценки со стороны говорящего лица» (Н.А.Лукьянова, М.И.Черемисина, 1986: 286). По мнению Л.Н.Савченко (Л.Н.Савченко, 1972), образное употребление слова всегда эмоционально, поскольку образность есть стремление речи к усилению наглядности восприятий, а восприятие вызывает не только мысль, но и чувство. По существу, предтечей такого подхода к лингвистике является Ш.Балли, который указывал, что образная речь служит «не более чем способом выражения различных форм мысли и чувства» (Ш.Балли, 1961: 25), а «образ существует для нас лишь постольку, поскольку он имеет экспрессивное значение» (Ш.Балли, 1961: 224).

Представители второго направления постулируют существование образного компонента наряду с денотативным и коннотативным компонентами значения (Е.И.Беляева, 1983; О.В.Загоровская, 1983), исходя из того, что «наличие данного компонента в значении слова обуславливается своеобразием процесса человеческого мышления, сочетанием в нем абстрактного и конкретного, чувственно-наглядного и отвлеченно-понятийного» (О.В.Загоровская, 1983: 17). Сторонники этого направления отмечают, что образный компонент особенно ярко проявляется при использовании конкретной лексики, когда «говорящий оперирует чувственно-наглядным образом предметов, обозначенных данными словами» (Е.И.Беляева, 1983: 9). Одновременно указывается, что наряду с конкретными языковыми единицами, семантика которых предполагает присутствие знака-представления, существуют абстрактные словесные единицы, не допускающие чувственной конкретизации. Семантическая структура подобных языковых знаков рассматривается как содержащая нулевой образный компонент значения. В исследованиях этого направления подчеркиваются также историчность и национально-культурная обусловленность образности как компонента значения.

Укажем, что в большинстве исследований проблема образного компонента в семантической структуре слова рассматривается в основном в общетеоретическом плане, а попытки построить типологию слов по степени выраженности их образности в их значениях носят фрагментарный характер. Исключениями являются классификации словесных единиц по степени их

образности, разработанные О.И.Блиновой (О.И.Блинова, 1983) и О.И.Загоровской (О.И.Загоровская, 1983).

Значительный вклад в исследование лексической образности внес И.А.Стернин (И.А.Стернин, 1979), постулирующий наличие эмпирического компонента в семантике слова, под которым понимается закрепленный за словом обобщенный чувственно-наглядный образ обозначаемого предмета. По мнению этого автора, эмпирическим значением обладает большинство конкретных слов. Чувственно-наглядный компонент выделяют в словах, обозначающих предметы и явления, с которыми мы часто сталкиваемся в практической деятельности, которые являются объектами наглядно-действенного мышления. Часто слова, в значении которых эмпирический компонент играет заметную роль, «довольно трудно определить (дать толкование значения), гораздо легче указать на предмет, обозначаемый словом» (И.А.Стернин, 1979: 131). Поскольку трудность изучения эмпирического компонента значения слова состоит в том, что он имеет чувственную природу и не поддается фиксации и разложению на составляющие элементы, И.А.Стернин предлагает анализ словарных дефиниций в толковых словарях в качестве косвенного способа изучения эмпирического компонента, так как они часто содержат его словесное описание. Наличие наглядно-чувственного компонента проявляется, прежде всего, остенсивным определением значения (через жесты, действия, мимику). Отметим, что И.А.Стернин не признает существования эмпирического компонента у абстрактной лексики.

Принято считать, что слово является конкретным, если обозначает реально существующий материальный объект или лицо, которое можно непосредственно ощутить с помощью органов чувств, в противоположность абстрактному качеству, состоянию или действию. Опираясь на положение, согласно которому, конкретные слова указывают на вещные реалии, а абстрактные на мыслительные, Г.Н.Острикова (Г.Н.Острикова, 1990) относит к первым наименования профессий, социального статуса людей. Однако следует признаться в недостаточной разработанности четких и однозначных критериев, пригодных для различения «совсем конкретного» и «совсем абстрактного».

Психолингвистика и когнитивная психология исходят из того, что

образность слова и его конкретность взаимосвязаны между собой, но не идентичны. Так, В.Ф.Петренко, основатель психосемантического направления в психологии, видит необходимость дать определение абстрактности понятия, не исключаяющее его отношение к чувствительности. В исследовании (В.Ф.Петренко, А.А.Нистратов, 1981) приводятся количественные данные по параметрам образности и абстрактности 84 русских существительных, отмечается глубокая связь между ними, свидетельствующая об общих закономерностях вербально-образного кодирования экстралингвистической реальности при вероятных различиях в психологических процессах, лежащих в основе вынесения суждения об этих параметрах. Указывается на связь образности и эмоциональной окраски, поскольку «эмоционально-окрашенные слова отражают эмоционально значимые для субъекта ситуации и, вызревая из “житейских понятий” (в терминологии Л.С.Выготского, 1982) сохраняют связь с индивидуальным опытом, выступающим чувственной тканью понятия, фиксированного слове» (В.Ф.Петренко, А.А.Нистратов, 1981: 15).

В нашем исследовании были получены количественные данные по конкретности/абстрактности, образности и эмоциональности 215 русских существительных (Е.Н.Колодкина, 1987). Одной из целей работы было сопоставление количественных данных, полученных в результате психолингвистического эксперимента, с существующими в лингвистике классификациями образных слов. Отправной точкой такого сопоставления было определение предмета психолингвистики, данное основателем российской психолингвистической школы А.А.Леонтьевым (А.А.Леонтьев, 1976), как изучения устройства и функционирования речевых механизмов человека под определенным углом зрения, а именно, в плане их соотнесенности со структурой языка. Такая постановка вопроса сделала правомерным сопоставление, а иногда и противопоставление, лингвистической и психолингвистической трактовок образности в структуре значения слова.

Наше видение основывается на психолингвистическом подходе к слову и значению, в рамках которого слово трактуется как производное перцептивного, когнитивного и аффективного процессов человека (А.А.Залевская, 1982; 1987; 2005), а значение – как «процесс соотнесения идентифицируемой словоформы с

некоторой совокупностью единиц глубинного яруса лексикона, отражающей многогранный опыт взаимодействия индивида с окружающим миром» (А.А.Залевская, 1982: 32). Мы считаем, что значение любого слова, даже выражающего самую абстрактную идею, сохраняет свои предметно-чувственные корни. Еще И.М.Сеченов говорил, что основой мысли являются ощущения из всех сфер чувств, и прослеживал историю развития мысли из чувственных впечатлений, получаемых ребенком в детстве, в абстракты (И.М.Сеченов 1958: 119). А.А.Залевская отмечает, что «значение слова – даже обозначающего абстрактное понятие – в индивидуальном лексиконе сохраняет свои предметно-чувственные корни и в связи с этим сводимо к некоторому исходному чувственному образу» (А.А.Залевская, 1987: 2005).

В основу инструкции на шкалирование образности, мы, вслед за А.Пайвио, положили способность испытуемых представить содержание значения слова в виде образа любой модальности, например, визуальной или кинестетической. А.Пайвио экспериментально доказал, что содержание слова может храниться в памяти и в виде некоего вербального кода и в форме образа и сформулировал так называемую теорию «двойного кодирования». В работе (A.Paivio et. al., 1968) приведены коэффициенты образности, конкретности/абстрактности и ассоциативной значимости для 925 английских существительных. Мы вычислили количественные показатели для 215 русских существительных. Применение семибалльной градуальной шкалы с делениями от 1 до 7 теоретически позволяло получить коэффициенты, варьирующиеся от 1 (минимум) до 7 (максимум) баллов. Полученные коэффициенты образности изменялись в пределах от 1,76 (ИЕРАРХИЯ) до 6,88 (ХЛЕБ) баллов. Это позволило сделать вывод, что для носителей русского языка деление слов на образные и безобразные неактуально. Наличие численных показателей образности у всех исследуемых существительных позволило нам присоединиться к точке зрения тех лингвистов, которые считают образность неотъемлемым компонентом значения слова. Мы считаем, что образный компонент не является элементом коннотации, традиционно трактуемой как факультативная информация, дополнительная к основному содержанию слова, а является одним из элементов единого когнитивно-перцептивного комплекса,

стоящего за словом в индивидуальном сознании.

Соотнесем полученные нами количественные данные по образности с классификацией образных слов О.И.Блиновой (О.И.Блинова, 1983), которая предлагает классифицировать существительные по степени образности в зависимости от мотивированности и немотивированности их внутренней формы. Следует отметить, что представление о связи между образностью слова и мотивированностью имеет глубокие корни в отечественном языкознании. Так, еще А.А.Потебня писал: «Внутренняя форма есть тоже центр образа, один из его признаков, преобладающий над всеми остальными» (А.А.Потебня, 1976: 146). О.И.Блинова под внутренней формой понимает морфо-семантическую структуру слова, позволяющую объяснить связь его звучания и значения на основе соотнесенности с внеязыковой и языковой действительностью. Трактую категорию образности как состоящую из таких компонентов как конкретность, картинность (наглядность) и красочность, О.И.Блинова выделяет три класса образных слов, различающихся по степени мотивированности. В первый класс входят немотивированные слова, характеризующие конкретностью: СОЛНЦЕ, ГОРА, во второй – мотивированные слова с неметафорической внутренней формой: МУХОМОР, ЕЛЬНИК, в третий – мотивированные слова с метафоричной внутренней формой, характеризующиеся конкретностью, наглядностью, красочностью: ГОРИХВОСТКА, КРОХОБОР. По степени выраженности образности О.И.Блинова определяет слова первого класса как обладающие потенциальной образностью, слова второго класса как полуобразные и слова третьего класса как образные. В ходе сопоставления было выявлено, что, слова, характеризуемые О.И.Блиновой как обладающие лишь потенциальной образностью, а именно, немотивированные конкретные слова, наиболее последовательно оцениваются испытуемыми – носителями языка как высокообразные (например: ЛАМПА – 6,64; ГОРОД – 6,69; ДЕРЕВО – 6,72; ЗАПАХ – 5,05; МОРЕ – 6,53; СЛЕЗЫ – 6,05; СЫЩИК – 5,27), а немногочисленные в нашем эксперименте мотивированные слова получили более низкие показатели параметра образности (например, ДУШЕВНОБОЛЬНОЙ – 3,85; ПУСТОЗВОН – 3,09; СТАВЛЕННИК – 2,74). Таким образом, наши экспериментальные данные противоречат предлагаемому

О.И.Блиновой принципу выделения трех классов образных слов в зависимости от степени мотивированности их внутренней формы.

Как уже упоминалось, наиболее полную классификацию существительных по степени их образности предложила О.В.Загоровская. Данный автор, рассматривая образный компонент как неотъемлемую часть содержательной структуры слова, указывает, что «игнорирование его противоречит многочисленным лингвистическим фактам, оставляя без объяснения своеобразие целого пласта русской лексики» (О.В.Загоровская, 1983: 20). Наблюдения привели автора к выводу о том, что образность, подобно другим компонентам значения, может занимать различные положения в семантической структуре слова, входить в число основных или скрытых элементов, может быть актуализирована в речи, а может оставаться нереализованной. В таком случае, делает вывод О.В.Загоровская, «любое конкретное слово, имея в своем значении образную силу, способно в определенных контекстуальных условиях актуализировать ее и вывести в состав основных» (О.В.Загоровская, 1983: 17). Одновременно указывается на существование обширного пласта так называемых образных слов, в которых соответствующий компонент значения играет значительную роль, входит в актуальный смысл слова или оказывает существенное воздействие на его формирование. В составе образной лексики, О.В.Загоровская выделяет два типа словесных единиц: слова с мотивированной образностью и слова, не имеющие первичной номинативной базы.

Первый тип слов – существительные с яркой внутренней формой – представлен: 1) словами с конкретным значением, в которых образ-представление присутствует как живая внутренняя форма: ПОДСНЕЖНИК, ЗЕМЛЯНИКА, КРОХОБОР; 2) словами с метафорической образностью – семантическими производными номинативных лексем: зооморфизмами (МЕДВЕДЬ – о человеке), другими «проекциями на человека» (АРТИСТ, ПЕНЬ, ЗАНОЗА), метафорическими предметными образами (ХЛЕВ – о жилище, БУДКА – о лице), глагольными метафорами, метафорическими обозначениями качеств и признаков. Второй тип слов – существительные, не имеющие первичной номинативной базы, не являющиеся словообразовательными и семантическими производными современных

номинативных лексем – представлен группой слов, для которых существенными оказываются образные ассоциации: ФИФА, ОЛУХ, ШАЛОПАЙ. Этот тип слов О.В.Загоровская называет изобразительными. Анализируя степень образности в семантической структуре выделенных групп слов, О.В.Загоровская характеризует как максимально образные семантические производные номинативных лексем и изобразительные слова. Наконец, минимальной степенью образности обладают слова с конкретными значениями, содержащие образ-представление в качестве потенциальной семы.

Сопоставим выделенные О.В.Загоровской группы образных слов с нашими показателями. Они не позволяют с достаточной степенью определенности высказаться о степени образности зооморфизмов и других «проекций на человека», поскольку в материалах нашего эксперимента слова, способные приобретать метафорическую образность, были оценены испытуемыми исключительно в своем прямом номинативном значении, о чем свидетельствуют предельно низкие величины среднего абсолютного отклонения (например, СОБАКА – 0,51; ЛОШАДЬ – 0,60). Однако поскольку слова такого типа близки по семантике к существительным «эмоционально характеризующим лиц», типа ТРЕПАЧ – 4,89; ПИЖОН – 4,89; КОРЕШ – 3,57; ЭСКУЛАП – 2,20, можно предположить, что в индивидуальном сознании существительные – «проекции на человека» получили бы аналогичные, т.е. средние или низкие показатели образности. Вторая степень образности по О.В.Загоровской у слов с яркой внутренней формой, экспрессивных и неэкспрессивных, типа ПОДСНЕЖНИК, КРОХОБОР. В нашем экспериментальном списке оказалось не так много слов с яркой внутренней формой, но все они получили низкие коэффициенты образности, например, БЕЗУМЕЦ – 3,82; ПУСТОЗВОН – 3,08, СТАВЛЕННИК – 2,74. Низкие численные данные образности не позволяют выделить слова этого типа в устойчивую группу с высокой образностью. В нашем списке есть также несколько слов мотивированных словообразовательно, причем некоторые существительные возможно сопоставить с мотивирующими словами, также входящими в экспериментальный набор: ДРУГ – 6,43; ДРУЖОК – 4,22; БРАТ – 6,20; БРАТЕЦ – 4,50; КОШКА – 6,41; КОШЕЧКА – 5,61; РАБОТНИК – 5,69; РАБОТНИЧЕК – 4,62. Сопоставление указанных пар слов однозначно

свидетельствует о том, что слова с «прозрачной» внутренней формой получили в эксперименте величины образности значительно более низкие (на 1 – 2 балла), чем у мотивирующих слов. Минимальной образностью, по мнению О.В.Загоровской, обладают слова с конкретным значением, содержащие образ-представление в качестве потенциальной семы, которая может актуализироваться в определенных контекстуальных условиях. Напротив, в материалах нашего эксперимента именно слова с конкретным значением получили самые высокие коэффициенты образности. Это, во-первых, обширная группа существительных – названий предметов, среди которых можно выделить: а) названия предметов питания, получившие максимальные показатели образности: ЯБЛОКО – 6,87; ХЛЕБ – 6,88, б) названия природных феноменов: ЦВЕТОК – 6,81; ОГОНЬ – 6,72; РЕКА – 6,68; в) названия артефактов: КНИГА – 6,79; ГОРОД – 6,69; ДОМ – 6,53; г) названия частей тела человека: РУКА – 6,69; КРОВЬ – 6,62; ВОЛОСЫ – 6,56; ГОЛОВА – 6,44. Во-вторых, высокие количественные показатели параметра образности характерны для названий животных, например: СОБАКА – 6,67; ЛОШАДЬ – 6,60; КОШКА – 6,41. В-третьих, высокие показатели образности получили названия лиц, а именно, общие названия лиц, а также названия лиц, дифференцированные по половому, возрастному и семейному признакам: ЧЕЛОВЕК – 6,57; ЛЮДИ – 6,29; ДЕВУШКА – 6,69; МАЛЬЧИК – 6,46; БАБУШКА – 6,40; ДИТЯ – 5,84.

Таким образом, сопоставление показало, что класс слов, имеющий по О.В.Загоровской минимальную – потенциальную – образность, испытуемыми оценивается как высокообразный, а классы образных слов, выделяемые данным автором, в нашем эксперименте имеют низкие или средние величины образности, что противоречит их отнесению к образной лексике в идиолексиконе.

В русле публикаций О.И.Блиновой и О.В.Загоровской выполнены и лингвистические работы, рассматривающие образность в составе значения слова, опубликованные в последние годы. Так, Е.А.Юрина, опираясь на определение внутренней формы слова, данное О.И.Блиновой (О.И.Блинова, 1983), в докторской диссертации, посвященной образной лексике русского языка, трактует образность как лексико-семантическую категорию, обобщающее

структурно-семантическое свойство единиц лексико-фразеологического уровня, проявляющееся в способности обозначить определенное явление внеязыковой действительности (предмет, свойство, процесс, ситуацию) в ассоциативной связи с другим явлением, не тождественным обозначаемому, на основе их реального или мнимого сходства посредством метафорической внутренней формы языковой единицы (Е.А.Юрина, 2005: 14). Данный автор распределяет все образные средства языка по критерию цельнооформленности/раздельнооформленности на две большие группы: лексические (цельнооформленные) и фразеологические (раздельнооформленные). Среди лексических образных средств Е.А.Юрина выделяет собственно образные слова: БУКВОЕД, МОХОВИК, ТВЕРДОЛОБЫЙ, ОБЕЗЬЯНИЧАТЬ и языковые метафоры: КИПЯТИТЬСЯ «злиться», БЛЕСТЯЩИЙ «выдающийся», БУРЯ «интенсивное выражение эмоций». Мы уже указывали, что для носителя языка слова с мотивирующей внутренней формой не рассматриваются как имеющие высокую степень образности. Языковые метафоры и фразеологические единицы, к сожалению, не входившие в наш экспериментальный список, безусловно, представляют интерес для последующих исследований образности.

Обратимся к новейшим исследованиям образного компонента значения, выполненным в рамках психолингвистического подхода или близких дисциплин когнитивного направления. Так, В.Ф.Петренко, представитель психосемантического направления в психологии, считает одной из важнейших проблем изучения значения исследование его невербальных форм, в частности, существование значения в системе визуальных образов. Более широкая трактовка языка, чем принято в лингвистике, понимание значения как формы обобщения, являющейся дериватом действительности, репрезентированной не только в форме понятий, но и в системно-организованном образном плане, требуют и анализа психических процессов, на языке которых «записаны» эти значения, анализа формы существования невербальных значений в человеческом сознании. По аналогии с вербальными значениями, где психологической структурой значения признается система соотношения и противопоставления слов в речевой деятельности, можно предположить, что и

образы, символы могут быть организованы в устойчивую систему отношений, которая функционирует как категориальная система, дублирующая или замещающая в некоторых ситуациях категориальную систему естественного языка. По мнению В.Ф.Петренко, невербальные значения, как и языковые значения, являясь элементами различных семиотических систем, имеют различные уровни категоризации (В.Ф.Петренко, 2005: 50-51).

Подобную мысль встречаем у психолога Ф.Е.Васильюка (Ф.Е.Васильюк, 1993), чья модель образа сознания стала очень популярна на рубеже 20 и 21 веков. Ф.Е.Васильюк опирается на теорию деятельности А.Н.Леонтьева, выделившего три основные «образующие» сознания – личностный смысл, значение и чувственную ткань, которую А.Н.Леонтьев определяет как некое впечатление, т.е. некий чувственный отпечаток предметного мира, порождаемый в процессе практической деятельности с этим миром. Чувственная ткань выполняет функцию придания чувства реальности сознательным образам. Это материал, из которого строится перцептивный образ (А.Н.Леонтьев, 1975). Ф.Е.Васильюк предлагает свою модель образа сознания, которая, по его мнению, предоставляет плодотворные возможности описания и анализа различных феноменов сознания. По его мнению, чувственная ткань, являющаяся многомерной субстанцией, – это «особая внутренняя «составляющая» образа, его живая плазма... в чувственной ткани может быть усмотрено несколько парадоксальное свойство: она является чем-то единым, и в то же время вовсе не гомогенным, а достаточно дифференцированным, сгущаясь вблизи полюсов образа и получая здесь сильные, специфические для каждого полюса характеристики. Вдали же от зон сгущения легко предположить наличие интерференций чувственных тканей, идущих от разных полюсов» (Ф.Е.Васильюк, 1993: 18). «Полюсы» образа в обсуждаемой модели представлены предметным содержанием образа, личностным смыслом (чувственной тканью которого являются эмоции), значением и словом (знаком), причем эти полюсы являются представителями предметного мира, внутреннего мира, мира культуры и мира языка соответственно. Эти полюсы не являются взаимоизолированными или противопоставленными друг другу. Они едины с точки зрения всепроникновения чувственной ткани, которая, хотя и модифицируется вблизи полюсов образа, является, тем не менее, единой и составляет основу целостности образа.

Интересной представляется также точка зрения И.Л.Медведевой (И.Л.Медведева, 1999) о том, что образ или действие, сопряженные с тем или иным словом, становятся в некоторых случаях внутренней формой этих лексических единиц. Речь идет, к примеру, об усвоении иностранных слов, обозначающих компьютерные термины, инструменты. Психолингвист иллюстрирует свою мысль, описывая особенности оперирования названиями различных инструментов современными стоматологами, работающими с новым импортным оборудованием. Оказалось, что врачи вообще не задумываются над тем, что значит слово, написанное на упаковке того или иного инструмента, они лишь знают, как используются данные предметы. Такие единицы быстро вживляются во внутренний лексикон, так как увязываются с физическими действиями человека и таким образом наполняются чувственной тканью, приобретают связь с телом человека. При этом под внутренней формой слова И.Л.Медведева подразумевает «те опоры, с помощью которых индивид “присваивает” языковую единицу, делает её достоянием собственного лексикона, извлекает смысл из языковой оболочки, перекодирует сообщение на язык личностных смыслов...эти опоры...могут представлять собой, с точки зрения лингвистики, достаточно странные нелогичные образования, однако именно они оказываются надолго закрепленными в ассоциативном поле усвоенной языковой единицы как следы активности индивида при её восприятии» (И.Л.Медведева, 1999: 159).

В рамках психолингвистического подхода выполнено исследование Н.В.Соловьевой (Н.В.Соловьева, 1989), рассматривающей предметно-чувственный компонент значения глагола, который реализуется через его способность актуализировать как мысленный образ целой ситуации, связанной с осуществлением действия, которое названо глаголом, так и отдельные значимые элементы ситуации.

Особый интерес представляет для нас диссертационное исследование Е.В.Карасевой (Е.В.Карасева, 2007), которая изучает особенности предметно-чувственного компонента значения не только глаголов, но и существительных с различным уровнем образности и конкретности. В результате анализа различных концепций предметного значения, автор приходит к собственной трактовке предметно-чувственного компонента значения слова

как образующей значения, связанной с любым телесным опытом человека. Следы, указывающие на присутствие предметно-чувственного компонента в значении слова, явились слова, обозначающие физическое действие, ощущения и состояния, а также чувственные образы и элементы ситуаций. В ходе анализа результатов ассоциативного эксперимента были выявлены группы слов с высокими, средними и низкими показателями реакций, относящихся к предметно-чувственному компоненту значения. Автор приходит к выводу, что предметно-чувственный компонент психологической структуры слова, в свою очередь, является комплексным образованием. Таким образом, в предметно-чувственном компоненте значения заложен весь многообразный сенсомоторный опыт человека – все, что относится к себе.

Работа Е.В.Карасевой подтверждает и во многом развивает результаты нашего экспериментального исследования. Представляется, что образный компонент является одной из составляющих предметно-чувственного компонента значения слова. Его комплексное строение также не вызывает сомнения. Сошлемся на работу (Е.Н.Колодкина, 1996), в которой приводятся количественные данные по различным составляющим полимодального образа, соответствующим чувственным модальностям, таким как зрительная, слуховая, кинетическая, обонятельная и вкусовая образность при ведущей роли зрительной составляющей. Комплексная природа образности в психологической структуре слова проявляется также и в том, что в момент оперирования индивида словом, составляющие образности находятся на различном уровне осознания, т.е. своей идентификации.

В цитированной ранее работе (Е.Н.Колодкина, 1987) приводятся данные об образности и эмоциональности в группах слов с различным семантическим наполнением и делается попытка интерпретации их взаимодействия в идеолексиконе. Указывается на сложный характер подобного взаимодействия и необходимость изучения психологической реальности, лежащей за параметром эмоциональности.

Эмоционально-чувственному компоненту в психологической структуре значения каждого слова посвящено докторское исследование Е.Ю.Мягковой (Е.Ю.Мягкова, 2000), базирующееся на психолингвистическом подходе к слову, в

частности, на положении о том, что, преломляясь через индивидуальный опыт человека, слово непременно окрашивается переживаниями и впечатлениями. Опора на экспериментальные данные приводит автора к выводу о комплексном строении эмоциональной нагрузки слова, о неразрывности эмотивности и оценочности в значении слова.

Итак, анализ новейших публикаций по психолингвистике, психосемантике, когнитивной психологии показывает, что в начале 21 века активно ведутся исследования компонента значения, так или иначе связанного с чувственным образом, во многом подтверждающие полученные нами экспериментальные данные и позволяющие интерпретировать их с позиции нового уровня, достигнутого современной наукой.

Следует согласиться с А.А.Леонтьевым в том, что, «... как бы лингвистика ни делала вид, что она независима от психолингвистики и может прожить без нее, они давно уже настолько спаяны друг с другом, что любой серьезный шаг вперед в одной немедленно отражается на другой» (А.А.Леонтьев, 1997: 277). Представляется, что следующим шагом в развитии теории значения будет создание единого интегративного подхода к анализу языковых, в том числе и семантических явлений.

Литература

- Аллендорф К.А. Значение и изменение значения слова: Автореф. дис. ... д-ра. филол. наук. М., 1966.
- Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка: Стилистика декодирования. Л.: Просвещение, 1981.
- Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1969.
- Балли Ш. Французская стилистика. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1961.
- Беляева Е.И. Взаимодействие лингвистических и экстралингвистических факторов при определении семантики слова // Аспекты семантического изучения романских и германских языков. Воронеж, 1983. С. 9-15.
- Блинова О.И. Образность как категория лексикологии // Экспрессивность лексики и фразеологии. Новосибирск, 1983. С. 3-11.
- Васильюк Ф.Е. Структура образа // Вопросы психологии, 1993, №5. С. 5–19.
- Выготский Л.С. Мышление и речь // Собр. соч.: В 6 т. М. Т.2. 1982. С. 231-256.
- Загоровская О.В. Образный компонент в значении слова // Лексические и грамматические компоненты в семантике языкового знака. Воронеж, 1983. С. 16-20.
- Залевская А.А. Психолингвистические проблемы семантики слова: Учебное пособие. Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1982.
- Залевская А.А. Роль теории в экспериментальных психолингвистических исследованиях лексики // Психолингвистические исследования: звук, слово, текст. Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1987. С. 34–49.
- Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. М.: Гнозис, 2005.
- Карасева Е.В. Предметно-чувственный компонент значения слова как живого знания. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2007.
- Кацнельсон С.Л. Содержание слова, значение и обозначение. М.- Л.: Наука, 1965.
- Колодкина Е.Н. Специфика психолингвистической трактовки параметров конкретности, образности и эмоциональности значения

- существительных: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1987.
- Колодкина Е.Н. Полиmodalная образность в психологической структуре слова
// Актуальные проблемы психоллингвистики: слово и текст. Тверь: Твер.
гос. ун-т, 1996. С. 9-17.
- Корниенко Л.И. Коннотативный аспект в значении глагольных наименований //
Семантика единиц различных уровней в романо-германских языках. Киев,
1982. С. 130-137.
- Леонтьев А.А. Психоллингвистический аспект языкового значения // Принципы и
методы семантических исследований. М., 1976. С. 46-73.
- Леонтьев А.А. Основы психоллингвистики. М.: Смысл, 1997.
- Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления (проблемы
семантики). Новосибирск: Наука, 1979. Лукьянова Н.А., Черемисина
М.И. Образность как характеристика значения слова //
Синтаксическая и лексическая семантика. Новосибирск, 1986. С.
165-168.
- Медведева И.Л. Функционирование иноязычной лексики в свете
психоллингвистической концепции слова // Психоллингвистические
проблемы функционирования слова в лексиконе человека:
Коллективная монография. Под общ. ред. А.А. Залевской. Тверь: Твер.
гос. ун-т, 1999. С. 132–174.
- Мягкова Е.Ю. Эмоционально-чувственный компонент значения слова. Курск:
Изд-во Курск. гос. пед. ун-та, 2000.
- Острикова Г.Н. Предметно-образный компонент именных лексических единиц
вторичного образования в подъязыках информатики и кибернетики (на
материале русского и немецкого языков): Автореф. дис. ... канд.
филол. наук. Саратов. 1990.
- Петренко В.Ф. Основы психосемантики. СПб.: Питер, 2005.
- Петренко В.Ф., Нистратов А.А. Коэффициенты образности, конкретности и
ассоциативной значимости для 84 русских существительных //
Общение, текст, высказывание. М., 1981. С. 5-17.
- Потебня А.А. Эстетика и поэтика. М.: Искусство, 1976.
- Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М.: Учпедгиз, 1946.

- Савченко Л.Н. Лингвистика речи // *Вопр. языкознания*, 1986, № 3. С. 62-74.
- Сеченов И.М. Рефлексы головного мозга // *Избранные произведения*. М.: Учпедгиз, 1958. С. 34–142.
- Соловьева Н.В. Место предметного компонента в психологической структуре значения глагола: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1989.
- Стернин И.А. Проблема анализа структуры значения слова. Воронеж: Воронежск. гос. ун-т, 1979.
- Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986.
- Харченко В.К. Взаимодействие коннотативных признаков, созначений в семантике слова // *Лексические и грамматические компоненты в семантике языкового знака*. Воронеж, 1983. С. 47-52.
- Шмелев Д.Н. Русский язык в его функциональных разновидностях: К постановке проблемы. М.: Наука, 1973.
- Юрина Е.А. Комплексное исследование образной лексики русского языка: Автореф. дис. ... д-ра. филол. наук. Томск, 2005.
- Pavio A., Yuille J.C., Madigan S.A. Concreteness, imagery and meaningfulness values for 925 nouns // *Journal of Experimental Psychology*, 1968, V. 76, № 1. Pp. 1–25.